

ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Газеты перешли в разряд макулатуры,
под навесным замком горбатится киоск,
но в сердце еще есть предчувствие культуры,
и в куполах церковей томится нежный мозг.

Сегодня жизнь моя застыла на обрыве,
почувствовав нутром начало пустоты,
и словно зверь стоит в обоссанной крапиве
и смотрит на тебя, как будто это ты.

И я, как будто я, стою посередине,
и с двух сторон горит то запад, то восток,
шмели летят гурьбой по ягоде-малине,
по проводам трусцой бежит электроток.

Товарищ, пробудись от глупости и лени,
иди через леса к любимой на огонь,
туда, где на крыльце дрожат ее колени
и капли от дождя – размерами с ладонь.

ЭПОС

Медсестра приходила ко мне в постель,
для меня она стала сестрой.
За окошком стояли сосна да ель,
а далее – сухостой.
И я погружался в аптечный чад
ее молодых телес.
Ей очень хотелось крикливых чад,
а мне – удалиться в лес.
Высокой в палате была кровать,
палата была как клеть.
Мария учила меня летать,
но не смогла залететь.

КВАРТИРАНТ

Котенок пахнет нафталином,
поскольку ночевал в шкафу.
И полночь, прячась за графином,
строчит последнюю графу.

Луна в окне на вид съедобна,
под стать светящимся хлебам,
во тьме ворочаясь загробно,
она тебе не по зубам.

И постоялец не выходит
из комнаты который год:
он в этом истину находит,
сравнив расходы и приход.

Лица его никто не помнит,
и лишь на вешалке кафтан,
его страданием наполнен,
напоминает, что он там.

Давай отважмся однажды,
преодолев ночную жуть,
в пылу познания и жажды
к замочной скважине прильнуть.

Мы там увидим люцифера
или печального вдовца,
в котором всколыхнулась вера
от обручального кольца.

И нам любить друг друга вечно
предписано и суждено.
Покуда жизнь бесчеловечна,
друзьям иного не дано.

Несметно бабкино наследство
из панталонков и чулок.
И дольше века длится детство,
качая темный потолок.

На четвереньках ищут черти
в ковре Кашееву иглу.
И мы сидим за миг до смерти
на красном пуфике в углу.

ПРИЮТ

Какая тьма
в казенные дома –
и в главный казематный дом входила –
и дверь темниц скрипела, как корма,
бессилием умноженная сила,
она была, как ночь, глухонема,
ущербна, будто девичья могила,
которой ни креста нет, ни холма.

Мы ждали ее вечером. К шести
Москва сжимала веки, словно в полночь.
Я слышал перезвон колоколов
и звон ключей, спешащих к нам на помощь.
Кого она могла тогда спасти?
Остались бы спасенные живыми?
Никто ответить правды не готов.

Я оставлял надежды сотни раз,
чтоб выжить под твоим печальным взглядом,
пока твой взгляд навечно не погас.
Нет никого, кто ранее был рядом.
Я тыкался в подушки, бестолков,
делился с кем-то скверным самосадам,
искал впотьмах детей и стариков.

Зачем все это, если ты придешь
и на рассвете скажешь мое имя.
И приговор, объявленный другими.
И слово изреченное есть ложь.
Во тьме есть свет. Она превыше света.
И люди поглощают этот свет.
Прочитана вчерашняя газета,
а утренней еще в помине нет.

Есть ночь, что избегают волк и пес.
И жмутся вместе к мусорному баку.
Им не хватает божьего тепла.
Я задохнусь от вымысла и слез,
но вычислю тебя по зодиаку,
по линиям морозного стекла.

Сиротские дома обречены,
как от причала сорванные лодки.
Ребенок, обрамленный сединой,
ты перебрал любви и тишины,
от страха выпил слишком много водки.
И дремлешь под померкнувшей луной
чернильной головой в воде речной.

КАРАНТИН

Я остаюсь в тифозном лазарете,
Ты собери наряды – и на юг.
Там волны шепчут о бескрайнем лете.
А на причале ждет прекрасный друг.

Чем здесь мне ты, любимая, поможешь.
Повсюду мрак, тоска и карантин.
И среди больных поверженных ничтожеств
я остаюсь спасительно один.

Мне без тебя ни холодно, ни жарко.
Я удивлен, что счастлив был с тобой.
Не надо ни бутылки, ни подарка,
ни красочной открытки голубой.